

Почти полчаса Гу Сяодун просидел словно в тумане. Все происходящее вокруг — то, как Су Минья бережно оправлял его рукава, притягивал к себе или обменивался язвительными колкостями с Юэ Сюньчжи, — оставалось где-то снаружи, не в силах пробиться сквозь невидимую преграду.

Посреди разговора в Бамбуковый двор заглянул Су Сяюань. Растерянный и робкий, он безмолвно просидел в углу до самого конца, а стоило Юэ Сюньчжи попрощаться, как слуги клана Су понятно увели юношу прочь.

Когда во внутренних покоях наконец остались только они вдвоем, Су Минья потянулся к Гу Сяодуну, чтобы обнять, но тот уперся ладонями в его грудь и отстранился.

— Сердишься?

Сяодун не ответил. Вместо этого он поднял руки и подозрительно понюхал ладони.

— От меня псиной пахнет.

Он попытался высвободиться из чужих объятий, но Су Минья лишь крепче сжал кольцо рук.

— Мне все равно.

Сяодун позволил усадить себя на колени. Немного помолчав, он повернул голову и пристально посмотрел на мужчину:

— И что же, молодой господин Су совсем ничего во мне не отвергает?

— Ровным счетом ничего, — Су Минья ласково коснулся его мочки уха.

— Но когда говорят, что принимают все без разбора, это звучит так, будто человеку просто плевать, — Сяодун подался вперед, заглядывая ему прямо в глаза. — Ты ведь правда меня любишь?

Он ждал ответа, не отводя взгляда — чистого, искреннего и до жестокости прямого. Не выдержав этой пытки, Су Минья отвел глаза, бережно, но настойчиво прижал юношу к себе и тяжело вздохнул:

— Глупыш... Через несколько дней твой день рождения. Как ты думаешь, ради чего я вернулся? Мы вместе уже столько лет. Если бы ты не был мне дорог, стал бы я идти против воли семьи и отвергать одну за другой завидные невесты, которых мне навязывают в Чанло? А ты? Неужели ты меня больше не любишь?

Гу Сяодун в сердцах стукнул его кулаком по спине, чувствуя, как к горлу подкатывают слезы.

— Да отпусти ты меня! — всхлипнул он. — Сил моих больше нет это слушать.

Но Су Минья лишь сильнее сжал объятия:

— Не отпущу. Сяодун, прошу, дай мне время. Все эти помехи — и Су Сяюяня, и Юэ Сюньчжи — я рано или поздно уберу с дороги. Просто подожди еще немного, хорошо? Настанет день, и я открыто введу тебя в свое поместье, держа за руку. Я заставлю всех этих высокомерных господ смотреть на тебя с тем же почтением, с каким они смотрят на меня. У тебя чистая, светлая душа, а моя жизнь слишком запутана. Но я клянусь, что разгребу всю эту грязь и интриги, чтобы сотворить для тебя мир — простой и ясный, как ты сам.

— Ты просто заговариваешь мне зубы!

— Но если не я, то кто еще станет тебя утешать? Разве твоим родным в поместье Гу есть до тебя дело? Или спесивые вельможи Чанло упустят повод посмеяться над тобой?

Гу Сяодун не нашел что ответить. Он безвольно затих, позволяя аккуратно осушить слезы на своих щеках.

— Сяодун, никто в этом мире не нуждается в тебе так, как я, — хрипло, с трудом выдавливая слова, прошептал Минья. — Никто... никто не станет беречь тебя сильнее.

Голос его звучал глухо, надтреснуто. Казалось, простое признание в любви для него — смертельный яд, способный мгновенно оборвать жизнь.

Су Минья отчаянно, повинаясь лишь слепому порыву, прижимал к себе юношу, словно пытался переложить на его плечи хоть каплю того гнета, под которым прогибался сам:

— Пожалуйста, не сердись на меня. Если бы ты только знал... Клан Юэ сейчас в фаворе у Наследной принцессы. Юэ Сюньчжи совсем недавно сватался к твоей сестре, Гу Жухуэй, а получив от ворот поворот, тут же нацелился на мою третью сестру. Семье стоило огромных трудов вежливо отказать ему. Наш клан Су поддерживает Восточный дворец, поэтому все мы, и я в том числе, вынуждены улыбаться этим выскочкам и заискивать перед ними. Но нужно лишь перетерпеть. Влияние Юэ не продлится долго. И как только они оступятся, мы припомним Юэ Сюньчжи все обиды — и старые, и новые. Обещаю тебе. Хорошо?

Минья мягко обхватил ладонями его лицо. Впервые за четыре года, что они были вместе, Сяодун разглядел под маской благородного спокойствия лихорадочную тревогу и глубокую, затаенную печаль. Раньше именно он, Сяодун, без умолку болтал и ластился к возлюбленному. Су Минья же всегда казался существом высшего порядка — утонченным, безупречным господином, далеким от мирской суеты. Видеть его растерянным и испуганным было странно и

больно.

В этот миг обида отступила, уступив место сочувствию. Сяодун поверил в его чувства, разделил его немую тоску. Но вместе с тем в груди шевельнулась горькая мысль: неужели этот безжалостный мир настолько суров, что даже их хрупкое счастье трещит по швам под его натиском? Когда-то Гу Сяодун наивно верил, что стоит лишь исцелить недуги молодого господина Су, как тот обретет долгожданный покой. Теперь же выходило совсем иное: не потому ли мирская грязь хлынула на него бурным потоком, что он наконец окреп головой и телом?

Щемящая тоска сдавила сердце. Сяодун потянулся вперед и ладонями закрыл глаза Минья.

— Хватит, молчи! Не желаю больше ничего слышать! Вся ваша придворная возня меня не касается, и не думай, что эти оправдания заставят меня смириться. Раз уж молодой господин Су теперь столь важный человек, зачем вообще тратить время на Бамбуковый двор? Больше не приходи сюда. Возвращайся в свою преисподнюю интриг и делай то, что положено наследнику знатного рода.

Минья затих. Он не стал убирать чужие ладони от своего лица, лишь медленно, дюйм за дюймом подался вперед и запечатлел нежный, полный отчаянной тоски поцелуй на щеке юноши.

Сяодун замер, не шевелясь и не открывая глаз. В этом странном безмолвии, когда один не видел другого, губы Су Минья скользнули к его приоткрытому рту. Они целовались вслепую, сокрытые друг от друга теплой преградой ладоней.

Четыре года вместе — этот срок невозможно перечеркнуть одним махом.

Пока наследник клана Су держал его так крепко, Сяодун не мог заставить себя сделать последний шаг прочь. Разум шептал: «Раз он так сильно любит меня, почему бы не потерпеть еще немного?»

Они ведь любили друг друга. Сколько влюбленных вопреки всему обретали счастье со времен сотворения мира? Почему бы и им не стать одной из таких пар?

Если Су Минья готов защитить его от бурь, то и он, Сяодун, найдет в себе силы вынести холодный блеск Чанло.

Жаркое лето семнадцатого года эры Небесного Предначертания растаяло в череде коротких встреч и долгих расставаний с Су Минья. Но не одного его затягивал этот водоворот — Гэ Дунчэнь и Гуань Юньцзи тоже все реже появлялись в академии Широкого Благодеяния. Когда

кленовые листья вспыхнули багрянцем, Сяодун поймал себя на мысли, что все близкие ему люди — побратимы, возлюбленный, верные друзья — один за другим уходят на невидимую войну. Лишь он оставался в стенах Академии Широкого Благодеяния. Прижимая к себе неугомонного Сяо Пэя, он часами смотрел в окно, гадая, какое будущее уготовано каждому из них.

В один из таких тоскливых позднеосенних вечеров на пороге его комнаты внезапно появился тот, кто обычно избегал его за версту — Гу Шоуи.

— Матушка занемогла, — сухо бросил младший брат, едва удостоив его взглядом. — Она желает видеть тебя. Пошли в Западный сад процветания.

Гу Сяодун ошеломленно замер и поспешил к нему:

— Как это заболела? На дворе ведь только конец десятого месяца. Княгиня обычно слегает не раньше середины одиннадцатого! Что стряслось?

Гу Шоуи смерил его ледяным, полным презрения взглядом и, резко отвернувшись, процедил сквозь зубы:

— И ты еще спрашиваешь? Всё из-за тебя!

Сяодун растерянno захлопал глазами и побежал следом за младшим.

— Сяо У, побойся неба, при чем тут я? Я навещал княгиню Чжэньбэй полтора месяца назад! Мы даже на Праздник Двойной Девятки не виделись. Какая муха тебя укусила?

Младший брат терпеть не мог общаться с ним. Назойливые расспросы Сяодуна раздражали его до глубины души. Сам будучи еще сущим ребенком, склонным верить любым сплетням, Сяо У отчаянно пытался казаться взрослым и степенным перед старшим братом.

Пока они шли по тропинке, Сяодун не прекращал попыток разговорить упряма. Гу Шоуи был самым младшим в семье, и все внимание, вся слава доставались его одаренным старшим братьям и сестрам. Обделенный родительской лаской, которой обычно окружают младших детей, он к тому же понимал, что при дележе семейного влияния ему достанутся лишь жалкие крохи.

Единственным существом во всем поместье Гу, перед кем Сяо У мог потешить свое самолюбие и почувствовать хоть какое-то превосходство, оставался беззащитный Сяодун.

Искреннее беспокойство старшего брата о здоровье княгини казалось ему чистой воды лицемерием. На полпути, окончательно потеряв терпение от назойливых расспросов, мальчик резко остановился и зло бросил:

— То, что ты безвылазно сидишь в академии, еще ничего не значит! От твоих грязных походов уже у всех уши вянут, слухи так и роятся по столице. Матушка слишком долго терпела твой позор. Или ты станешь утверждать, будто ничего об этом не знаешь?

Сяодун замедлил шаг и со вздохом покачал головой:

— Глупый ты еще, раз веришь всяким небылицам. Княгиня Чжэньбэй прекрасно знает, что всё это ложь, и ни капли во мне не сомневается.

Он попытался подойти ближе и дружески приобнять брата, но Шоуи отпрянул, словно наткнулся на змею.

— Не смей ко мне прикасаться! Терпеть не могу твою привычку заискивать перед каждым встречным!

Сяодун лишь смущенно потер нос. Двенадцатилетний Сяо У едва доставал ему до плеча и в его глазах мало чем отличался от подросшего питомца Сяо Пэя. Пока другие видели в мальчишке наследника великого рода, Сяодун относился к нему как к обычному ребенку, а потому заговорил мягче и терпеливее:

— Да когда это я заискивал? Это называется простым человеческим теплом, только и всего.

Шоуи насупился пуще прежнего и, прибавив шагу, сердито буркнул:

— Я тебя ненавижу.

— Знаю, знаю, — добродушно улыбнулся Сяодун, легко поспевая за его семенящими шагами. — Ладно, больше не буду докучать. Просто води меня к княгине.

Мальчишку словно прорвало. Он шел впереди, сыпля ядовитыми упреками в адрес самого «бесполезного», по мнению всей семьи, человека, чтобы хоть как-то возвысить собственное уязвленное эго:

— Терпеть не могу твое невежество! Раньше ты только и делал, что убого подражал четвертому брату. Хоть бы на себя в зеркало посмотрел! Где он — и где ты? Сравнил себя с ним!

— Да-да, куда уж мне до него, — покладисто согласился Сяодун.

Шоуи поперхнулся от такой покорности, но быстро нашелся:

— А еще больше я презираю тебя за то, что ты отринул праведный путь! Связался с нечистью,

крутишь хвостом перед каждым встречным, совратил кучу почтенных людей!

Сяодун не обиделся — лишь тихо вздохнул, забавляясь детской запальчивостью брата:

— Ну откуда в тебе столько яда, глупыш? Какое еще совращение? Я из академии носа не показываю. Ты сам-то отучился едва год, да и сидишь на первой парте под самым носом у наставников. Откуда тебе знать, какая жизнь кипит на задних рядах?

Шоуи и слушать ничего не желал, продолжая упрямо гнуть свое:

— О твоей позорной связи с наследником клана Су не судачит только ленивый! Но тебе и этого мало — ты то и дело вертишься возле людей из клана Гуань! Матушка извелась, выслушивая грязные сплетни о твоих похождениях. Ее сердце исходит кровью от обиды и гнева — неудивительно, что она слегла от такой неблагодарности!

Сяодун лишь покачал головой, не понимая, откуда берутся эти нелепые обвинения. Решив не спорить по пустякам, он вернулся к главному:

— Когда княгиня занемогала раньше, вторая молодая госпожа всегда неотлучно находилась у ее постели. Жухуэй сейчас с ней?

— Куда тебе до нее! — фыркнул Шоуи. — Вторая сестра и в делах двора преуспевает, и о матушке заботиться успевает. Ты хоть и числишься у нас приемышем, но все же мужчина! Почему не берешь пример с четвертого брата? Давно бы сдал экзамены да занялся делом на благо государства.

— Ох, опять эти экзамены... — притворно вздохнул Сяодун. — Учиться-то я начал поздно. Может, подождем еще пару лет, и мы сдадим их вместе с тобой, а? Кстати, ты заглядывал в ту тетрадку, что я тебе передал? Ну как, дельные вещи я там расписал?

Мальчик насупился и промолчал. Лишь пройдя добрую половину пути, он буркнул с детской обидой в голосе:

— Не читал. И чепуха там наверняка написана.

Сяодун лишь тихонько рассмеялся.

Дорога от академии до покоев княгини отняла немало времени — сначала они тряслись в повозке, а затем торопливо шли пешком.

Миновав внутренний двор, чей облик оставался неизменным на протяжении последних десяти лет, Гу Сяодун вошел в прохладную опочивальню. На шелковых подушках, бледная и

изнуренная, полулежала Ань Жои, державшая за руку Гу Жухуэй.

— Шаньцин пришел, — негромко произнесла сестра, заметив вошедшего. Она тепло улыбнулась и бережно высвободила свои пальцы. — Матушка, я покину вас на время.

— Иди, — слабо кивнула княгиня и тихо вздохнула: — Сяодун, подойди ко мне.

Слуги и лекари безмолвно и быстро покинули комнату. Сяодун почувствовал, как невидимая тяжесть легла ему на плечи. Стараясь ступать как можно тише, он приблизился к постели, опустился на колени и склонился в вежливом поклоне, исподтишка разглядывая лицо женщины.

Сердце болезненно сжалось — княгиня Чжэньбэй выглядела пугающе истощенной, словно увядающее осеннее дерево.

— Сяодун, я позвала тебя, чтобы сообщить нечто важное, — Ань Жои слабо провела ладонью по его голове.

— Матушка, вы тяжело больны, вам нужно беречь силы и отдыхать, — тихо вздохнул юноша. — Какое спешное дело заставило вас пренебречь советами лекарей?

Княгиня посмотрела на него долгим, полным печали взглядом:

— Княжеское поместье приняло решение. Тебя отправят во дворец Второго принца. В качестве его наложницы.

Сяодун ошеломленно замер, не веря собственным ушам.

Холодные пальцы Ань Жои скользнули к его уху, едва касаясь мочки.

— Жухуэй взяла на себя твою долю — она носит мужское платье и бьется за честь нашего рода на службе у государя. Тебе же придется примерить женскую долю вместо нее... стелить постель и ублажать мужчину. В этом мире каждый должен исполнять свой долг, сынок. Иного способа выжить у нас просто нет.